

К ЭВОЛЮЦИИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗЕМЛЕ

(Лейденский демотический папирус, I, 384, IX, 22—23)

Ю. Францов

Представления древних египтян о земле изменялись на протяжении истории. Некогда, вероятно, в очень древние времена, земля представлялась в виде женского божества. Отголоски этого представления сохранились в культе многих богинь исторического Египта. Далее, земля представлялась в виде мужского божества Геба. Несомненно, что и Озирис становится, наряду со всеми другими его аспектами, как хтоническое божество, одним из олицетворений земли. Одновременно с этим небо представляется в виде огромной коровы, рождающей солнце. Земля, небо и солнце представляются мужем, женой и сыном. Такого рода представлений, часто противоречивых, можно найти в мифологии Египта очень много—вплоть до представления о земле в виде двух львиных божеств (акеру) и т. д.

Древние представления начинают меняться с того времени, как получает распространение учение об океане, хаосе Нуне, из которого исходят и Нил, и земля, и небо, и солнце. К. Зете пытался указать возникновение этого учения еще в древнейшую эпоху Египта, однако памятниками оно засвидетельствовано в наибольшей степени для греко-римского периода. Это учение сводится к следующим основным чертам. Нун—океан, хаос находится под землей¹, он является как бы «вторым небом»; в текстах храма Эдфу о боге воздуха говорится: «находящийся между двумя небесами»². Второе небо помещается под землей и еще в текстах пирамид Нун детерминируется знаком перевернутого в обратную сторону небесного свода³. Под землей находится и царство мертвых, вероятно, представлявшееся в виде острова, плавающего на водах подземного Нуна⁴. О Нуне и его женском дополнении Наунет говорится, что они «создают Нил», «делают воду», «творят зерно»⁵. Солнце плывет в барке—днем по верхнему небу, ночью спускается в подземелье, где светит для Озириса и царства мертвых⁶. Эти представления об океане, окружающем землю, по которому плавают солнце, сочетались со старыми мифологическими представлениями о богине неба, рождающей ежедневно солнце.

¹ Это прекрасно показал К. Sethe в своей работе «Altägyptische Vorstellungen vom Lauf der Sonne». Berlin, 1928, в которой он подверг критике старую точку зрения Maspero («Etudes de mythologie et d'archéologie égyptienne», т. I, стр. 335; т. II, стр. 27).

² Edfu, III, 19, 41; K. Sethe, Amun und die acht Urgötter von Hermopolis. Berlin, 1929, стр. 99.

³ P. 1446, a. M.; K. Sethe, Lauf der Sonne, 4.

⁴ См изображение на саркофаре Сети I.

⁵ K. Sethe, Amun..., стр. 75.

⁶ A. E r m a n, Aegyptische Religion, 2, стр. 11.

Земля, как считает большинство египтологов, представлялась в виде плоского диска, плавающего на этом океане.

На основании анализа древнеегипетских рисунков Г. Шефер¹ пришел к мысли, что египтяне представляли себе землю вроде корыта или седла с поднятыми краями. В первом случае поднятые края мы должны предположить со всех сторон представляемого египтянами пространства земли. Во втором случае поднятые края предполагаются только с двух сторон пространства. Масперо² также видел на египетских рисунках землю в виде корыта или в виде какого-то другого сосуда с дном, окруженным со всех сторон поднятыми краями—горами. Исследователи старались здесь подчеркнуть представления о земле у древних египтян в виде плоскости, окруженной стенками-горами. По нашему мнению, правильной интерпретации этих представлений мешало отождествление их с различными мифологическими образами земли. Между тем, надо ставить вопрос о появлении нового представления о земле наряду с прежними мифологическими олицетворениями земли и неба. Уже в этих представлениях о поднятых краях земли, за которые заходит солнце, с тем чтобы ночью пройти под землей и показаться утром с другой стороны земли, мы видим зародыши объемного представления о земле, плавающей в океане, окруженной «верхним» и «нижним» небом.

Лейденский демотический папирус, изданный В. Шпигельбергом и содержащий драматические тексты к мифу о солнечном глазе, нам кажется, вносит существенную поправку в эти наши сведения³. Демотический папирус содержит различные версии текстов, читавшихся на празднике прихода солнечной богини в Египет. Частично он является сценарием для специальных игр, изображавших заманивание обезьяной (богом Тотом) ранней весной богини солнца в Египет. Он содержал записанные речи действующих лиц, в нем также делались различные богословские приписки, глоссы, комментарии к отдельным частям обряда. Один из таких комментариев находим мы в столбце IX. Солнечная богиня объявляет, что она—коршун, жена бога Амона в Фивах. Редактор-жрец добавляет, что коршун—это год, ибо когда хотят написать год, ставят иероглиф коршуна. Таким образом, редактор обнаруживает знание позднего, так наз. энигматического письма. Далее, в обращении, вероятно, к богу солнца Ра, говорится: «ты господин беспокойных звезд и незаходящих звезд, которые в ладье священного жука», т. е. бога солнца Хепра (IX, 16—17). Это разделение на звезды *ḥm. w wrd* «беспокойные, изменчивые звезды» и *ḥm.w šk* «незаходящие звезды» (в демотическом тексте: *ḥm-w n wrte ḥm.w n s'k*) было широко известно в древнем Египте. Звезды неподвижные оставались всю ночь на небе и не могли, таким образом, сопровождать солнце в его ночных странствованиях по подземному океану. Они исчезали с появлением солнца утром, и считалось, что далее они сопровождают солнце днем, входя в его ладью. Звезды подвижные исчезали ночью, и считалось, что они присоединяются к солнечному кораблю во время его ночных странствований под землей. Об этом совершенно ясно говорят египетские тексты эпохи Нового царства⁴. Это представление помогает нам понять последующую часть отрывка демотического папируса о солнечном глазе. Вслед за приведенным местом о плавающей солнечной

¹ H. Schäfer, *Aegyptische und heutige Kunst und Weltgebäude der alten Aegypter*. Berlin—Leipzig, 1928, стр. 85—92. Ср. рис. 2, изображающий землю в виде круга с нанесенными на нем египетскими полами (рис. IV в. до н. э.).

² G. Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, т. I, стр. 17.

³ W. Spiegelberg, *Der ägyptische Mythos vom Sonnenauge*. Strassburg, 1917.

⁴ K. Sethe, *Lauf der Sonne*, стр. 26—27.

барке и о солнце как владыке обеих категорий звезд в демотическом папирусе говорится, что солнечная богиня—орлица, которая произошла из него, т. е. из бога солнца Ра; говорится о том, что бог солнца соединяется с гребцами своей барки (т. е. духами и богами, которые сопровождают его в ладье). Богиня солнца величается как дочь бога солнца. «Не говорят «дочь великого» ни о ком другом, кроме меня. После того, как он¹ сделал меня владычицей над владыками, сделал он меня владычицей земли всей. Смотри, земля предо мной, как коробка, это значит, земли бога предо мной, как круглый мяч». Этот образ в устах солнечной богини заставляет остановиться на нем наше внимание. Для первого образа употреблено слово 'fti-t, древнее 'fd-t, что значит «коробка, ларец, ящик». В демотическом папирусе, как указывает Шпигельберг, оно значит иной раз и саркофаг². Для следующего образа употреблены слова ꜥti «округлый» и второе слово, по догадке Шпигельберга, мяч из кожи, на что указывает детерминатив, да и самый корень слова tꜥ, (возможно, также метатезис из слова ꜥm «мяч»³). Как толковать этот образ, почему перед богиней солнца земля лежит в виде ларца, «земли бога»—в виде круглого мяча? Нам думается, что разгадка лежит в приведенных ранее словах контекста о странствиях солнечной барки со своими спутниками-звездами. Отсутствие солнечной богини толковалось, видимо, и как спуск ее вместе с солнечной ладьей и всем «экипажем» ('ꜥꜥ) в подземное царство. Что это так—прекрасно доказывает непосредственно следующий столбец демотического папируса (X). Там описывается «удаление» солнечной богини, скорбь на земле, на которой смолкли лютни, арфы и «радость ушла вместе с тобой». Это описание напомнило Шпигельбергу вавилонские обрядовые песни о сошествии Иштарь в преисподнюю⁴. Думается, что этот интересный образ земли должен объясняться из учения о Нуне и о путешествии солнца вокруг земли. Небеса и «подземное небо», океан Нун окружают землю сверху и снизу. Видимо, старое представление о земле—плоском диске, плавающем на водах, было оставлено. Оно уступило место объемному представлению о земле, как ящике, коробке. В этом смысле надо понимать известное место в папирусе Харрис (44, 4—5), где говорится о боге, что он землю «окружил (ꜥꜥꜥ) Нуном и морем». Море окружало землю на плоскости, по горизонтали. Нун, переходя в небо, окружал землю по вертикали, если так можно выразиться. Как кажется, и в изобразительном искусстве это представление о земле в виде коробки или ящика нашло свое отражение. Знаменитое изображение на саркофаге Сети I дает фигуру Нуна, который на вытянутых руках поднимает солнечную барку к четырехугольнику, окруженному со всех сторон водами. Четыреугольник изображает, несомненно, землю. Недалеко от этого четырехугольника, в виде кружка, также плавающего на водах, изображено царство мертвых. Зете категорически заявляет по поводу этого рисунка: «Отграниченное водами Нуна четырехугольное пространство, в которое поднимается солнечная барка, должно изображать землю, которая в виде диска плавает на Нуне»⁵. С этим едва ли можно согласиться: во-первых, перед нами не диск, а четырехугольник. Это уже приближает рисунок к образу земли—коробки, ящика. Далее, совершенно ясно, что рисунок надо понимать, как развернутый план, рисунок должен изображать то, что находится над и под землей. Если не вызывает никаких возражений плоскостное изображение лодки без всякой перспективы,

¹ Т. е. бог солнца.

² Spiegelberg, op. cit. «Glossar», стр. 87.

³ Ibid., стр. 145.

⁴ Spiegelberg, op. cit. стр. 30—31, прим. 11.

⁵ K. Sethe, Lauf der Sonne, стр. 10.

без указания на три измерения ее, то почему не предположить такое же плоскостное изображение и четырехугольника, который, видимо, также имел три измерения, не указанные на рисунке (см. *B r u g s c h*, *Mythologie*, стр. 216).

Нам думается, что это представление о земле как о четырехугольном ящике отразилось в египетской мифологии поздней поры. Вспоминается знаменитый ящик Озириса, в который заключил его обманным путем бог Сет¹. Озирис, плавающий в водах, несомненно, изображает землю. Рассказ Плутарха находит свое подтверждение в ряде египетских памятников, среди них на первом месте, пожалуй, следует указать так наз. Стелу Меттерниха. Там плавающий Озирис (в ящике) и плавающий (в ладье) бог солнца даны в параллели. «Защищайте плавающих, охраняйте небо, на котором Ра находится, охраняйте бога великого в гробу (т. е. Озириса), защищайте плавающих»². Озирис, плавающий в воде, встречается не только в мифе, но и в ритуале: 12-го хойака в золотую статую Озириса клались земля и зерна ячменя, а затем она помещалась в бассейне с водой³. Если земля «своим ртом» проглатывает покойника, бог земли Геб «своими челюстями» поглощает его, то и Озирис получает покойника, как свою добычу⁴. Как бы то ни было с ящиком Озириса, олицетворял ли он землю, или нет, факт представления земли в виде ящика для позднего Египта зафиксирован. Более того, это представление египтян не стоит совсем одиноко в идейной жизни древнего Востока. Мы найдем довольно близкий образ и в Вавилоне, в знаменитом литературном произведении, так наз. мифе об Этане. Во время полета Этаны на орле он видит сверху удаляющуюся землю и море. Вот земля уже стала «горой, море стало потоком», далее море стало как бы ямой, выкопанной садовником, наконец, двором, наконец, море становится величиной с корзину для хлеба, а земля превращается, согласно толкованию Унгнада, в печение (может быть, хлебец)⁵. Объемность образа земли, если так можно выразиться, в вавилонском тексте гораздо меньшая, но ход мысли приближается к египетскому. Однако, если египтянин старался представить себе землю окруженной «снизу» и «сверху» «двумя небесами», что неизбежно вело к предположению об объемности земли, к представлению о земле в виде коробки, ящика, наконец, шара, то вавилонянин старался представить себе землю, главным образом, сверху. Если наше предположение в некоторой степени правильно, то придется несколько пересмотреть вопрос о развитии представлений о земле в древности. Египетским представлениям придется отвести несколько иное место, чем обычно им отводилось.

Обычное мнение сводится к тому, что только Анаксимандр первый предположил объемную форму земли, плавающей в пространстве⁶. Гомперц говорит об Анаксимандре: «Правда, земля еще не представлялась

¹ *Plut.*, *De Iside et Osiride*, 13.

² *W. Golenischeff*, *Die Metternichstele*. Leipzig, 1877, verso 1, 43 сл.; перевод по материалам берлин. словаря *Röder*, *Urkunden*, 1923, стр. 87.

³ *A. M. Blac k m a n*, *Myth and Ritual in ancient Egypt* в сборнике «*Myth and Ritual*», ed. by Hooke. Oxford, 1933, стр. 19.

⁴ *E r m a n*, *Aegyptische Religion*², 1909, стр. 104; *Pyg*. 145, 350.

⁵ *A. U n g n a d*, *Die Religion der Babylonier und Assyrer*. Jena, 1921, стр. 137—138. Может быть, интересно также отметить, что в нашем демотическом тексте имеется ряд совпадений с вавилонскими текстами. С вавилонским мифом об Этане совпадает полностью одна басня демотического текста, как мы указали это ранее. См. *F r a n z o w*, *Demotische Fabel von dem Geier und der Katze*, «*Aegyptische Zeitschrift*», 1930, В. 66, Н. 1, стр. 46—49.

⁶ Например, *D a n e m a n n*, *Wie unser Weltbild entstand*, 1912, стр. 33; *Трёлъс-Лу нд*, *Небо и мировоззрение в круговороте времен*. «*Матезис*», 1912, стр. 83.

ему шаром, но ни в каком случае уже не плоским кругом, покоящимся на подставке и накрытым сводом небесным, наподобие колокола»¹. Поленц говорит, что только «ученик Фалеса, Анаксимандр, своим предположением, что земля кеглеобразной формы парит в небесном пространстве, создал естественную астрономическую картину мира, которой Восток никогда не достигал»². Позволительно усомниться, действительно ли древний Восток, в частности Египет, «никогда не достигал» сходных идей. В исторической науке долго держалось мнение, что египетская наука не имела сколько-нибудь значительных достижений³. С расширением и углублением наших знаний об египетских научных идеях этот взгляд приходится оставить. Издание акад. В. В. Струве Московского математического папируса, издание Брестедом медицинского папируса Эдвин Смит показывают египетское научное мировоззрение с новой стороны. Приобретает значение античная традиция, согласно которой греки во многом считали себя учениками египетских мудрецов и высоко ценили египетскую науку. Посещения Египта и годы обучения у египетских жрецов античная традиция приписывала и Фалесу, и Пифагору, и Демокриту, и другим. В последнее время эта традиция подверглась уничтожающей критике со стороны историков. Она признана была лишенной всякой исторической ценности⁴. Однако Плутарх передавал еще, что Фалес «у египтян выучился полагать воду первопричиной и началом всех вещей»⁵. Учение о Нуне, как оно в последнее время было исследовано в ряде работ Зете, перестает казаться только мифом, древним и примитивным.

В самом деле, когда в ритуальном тексте на храмовой стене в Карнаке (период Сети I) мы читаем о воде, «которая произвела (wtt) все живые вещи (lht nb.t'nh. t), из которой выходят (pgr) все вещи»⁶, это уже не миф, не олицетворение сил природы, ибо речь идет о самой воде, которая употреблялась для возлияний. Зете приходит к выводу, что образованный египтянин считал, что вначале была кругом вода, ветер привел ее в волнение, из ила собралась земля, из воды появились водные животные⁷. Это воззрение стоит на грани между мифом и тем «наивным стихийным материализмом», который указывал Энгельс у ионийцев. Несомненно, кастовая замкнутость, традиционность жреческой среды, которая являлась хранителем науки, узкое поле применения данных науки сковывали ее развитие в Египте. Более полное развитие наука получила в передовых по тому времени странах рабовладельческой демократии. Но эта наука опиралась в своем развитии на достижения древневосточной, и в том числе и египетской, науки. Наконец, правильно ли будет предполагать, что в Египте имелись исключительно жреческие центры учености? Алан Гардинер в своем последнем исследовании о так наз. «домиках жизни», специальных *scriptorium*'ах, где составлялись, компилировались, редактировались и изготовлялись различные религиозные тексты, правильно указывает, что, например, литературные тексты создавались и копировались различными писцами деловых учреждений (например, сказка о двух братьях)⁸. Он оставляет открытым вопрос о математических папирусах. Однако несомненно, что хозяйство вызвало к жизни и ряд

¹ Г о м п е р ц, *Греческие мыслители*, т. I, СПб, 1911, стр. 46; фрагмент об Анаксимандре см. у М а к о в е л ь с к о г о, *Досократики*, Казань, 1914, ч. I, стр. 35—47.

² М. P o l e n z, *Der Geist der griechischen Wissenschaft*. Berlin, 1923, стр. 2.

³ См., например, А. W i e d e m a n n, *Das alte Aegypten*. Heidelberg, 1920.

⁴ H o p f n e r, *Orient und griechische Philosophie*. Leipzig, 1925.

⁵ P l u t., *De Is. et Osir.*, 34.

⁶ Текст впервые скопирован и приведен Sethe в его «Amun etc.», стр. 107, прим. 1.

⁷ S e t h e, *ibid.*, стр. 77.

⁸ А. G a r d i n e r, *The House of Life*. JEA, 1933, II, стр. 176.

других культурных, грамотных центров, не связанных тесно с кадровым жречеством, «домов жизни». В отношении нашего папируса может быть сделана оговорка, что он является лишь мифологическим сценированием к обрядам, что этим умаляется значение отдельных его положений. Однако, как заметил Шпигельберг, то, что автор хорошо знаком с труднейшей энigmatической письменностью, что папирус написан прекрасным языком, заставляет серьезно отнестись к ученым глоссам нашего редактора.

Может возникнуть возражение, что разбираемое нами место лишь «вольный поэтический образ». Однако кому же неизвестно, что древняя мудрость облечена была в поэтическую форму, в том числе и идеи ионийцев. Того же Анаксимандра Симплиций (по Теофрасту) упрекал за «чересчур поэтические выражения». И в подлиннике дошедший до нас фрагмент Анаксимандра как раз изложен в этом «поэтическом» стиле¹. Далее, поэтическая форма не освобождает нас от необходимости разобраться в содержании изложенного воззрения. Наконец, сам папирус «мифа о солнечном глазе» не является каким-либо мало значительным произведением. Рейценштейн² доказал, что этот демотический памятник (в этой или близкой версии) был переведен на греческий язык. Он заинтересовал греческого писателя. В нем мы находим басню, которую затем мы читаем у Эзона, и другую, которая известна нам и в вавилонской литературе и у Архилоха. Наш папирус поднимает вопрос о том, впервые ли у греков появилась идея земли в виде кегли, и что предшествовало ей в египетских воззрениях.

Несомненно, что ряд передовых идей, догадок, которые возникали в Египте и которые, вероятно, не все даже записывались, влияли на дальнейшее развитие науки в древнем мире, и возможно, что среди них были и египетские догадки о земле в виде ящика, коробки. Конечно, это были лишь догадки, но догадки такого типа, о которых Ленин писал: «гениальные догадки и указания пути науке, а не поповщине»³.

¹ Маковельский, Досократики. Казань, 1914, ч. I, стр. 37, отрывок 9.

² R. Reitzenstein, Die griechische Tefnutlegende. Heidelberg, 1923. Дошедшие до нас фрагменты содержат, главным образом, перевод и обработку рассуждений об «отмщении», господствующем в мире: муху съедает ящерица и так далее вплоть до льва, смерть и отмщение царствуют над всеми вешами.

Вспоминается указанный выше «поэтический» фрагмент Анаксимандра и его идея, что все вещи «за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время» (перевод Маковельского, цит. место).

³ В. И. Ленин, Философские тетради. Партиздат, 1933, стр. 299.

